

Евгения Терская

МИФ
О
ПРОЗЕРПИНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ ДУШИ

КНИГА 2

18+

Евгения Терская

Миф о Прозерпине

<https://litres.ru/74393528>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Филиппа и Валентины нет ничего общего, кроме одного: оба они успешны, оба заперты в золотых клетках чужих ожиданий и оба получили смертельный диагноз.

Нью-йоркский банкир Фил всю жизнь подчинялся воле отца и жены, похоронив мечту о древних руинах. Сиднейская писательница Вэл создает бестселлеры о любви, ни разу не испытав чувства наяву. Единственный шанс продлить их жизнь — загадочный экспериментальный препарат с латинским названием *Granatum Proserpinae*.

Но лекарство дарит не просто дни. Оно открывает дверь в другой мир. Каждую ночь, закрывая глаза в разных полушариях Земли, они просыпаются в раскаленной Сицилии II века. В телах чужих людей, связанных узами ненавистного брака, они учатся бунтовать, чувствовать и любить так, что стираются границы между сном и явью, между древним Римом и современным мегаполисом.

Древний миф гласит: вкусивший пищу подземного мира навсегда останется с ним связан. Но что, если эта связь —

не проклятие, а единственный шанс наконец проснуться по-настоящему?

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ	5
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1. СЛЕДЫ НА ЗОЛОТОМ ПЕСКЕ	11
ГЛАВА 2. И МОРЯ ШУМ ВДАЛИ	16
ГЛАВА 3. УПАЛ НА ЛИК МНЕ ЛУЧ ДНЕВНОЙ	18
ГЛАВА 4. КОГДА ЗЕМЛЯ РАЗВЕРЗЛАСЬ ПОД НОГАМИ	22
ГЛАВА 5. И ЖДАТЬ РАССВЕТА МОЧИ НЕТ	26
ГЛАВА 6. МЫ ВРОЗЬ, НО СВЯЗАНЫ СУДЬБОЙ	29
ГЛАВА 7. КАК ТЕНЬ ПРЕКРАСНОЙ ПРОЗЕРПИНЫ	33
ГЛАВ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Миф о Прозерпине

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

ГЛАВА 1. СЛЕДЫ НА ЗОЛОТОМ ПЕСКЕ

ГЛАВА 2. И МОРЯ ШУМ ВДАЛИ

ГЛАВА 3. УПАЛ НА ЛИК МНЕ ЛУЧ ДНЕВНОЙ

ГЛАВА 4. КОГДА ЗЕМЛЯ РАЗВЕРЗЛАСЬ ПОД НОГА-

МИ

ГЛАВА 5. И ЖДАТЬ РАССВЕТА МОЧИ НЕТ

ГЛАВА 6. МЫ ВРОЗЬ, НО СВЯЗАНЫ СУДЬБОЙ

ГЛАВА 7. КАК ТЕНЬ ПРЕКРАСНОЙ ПРОЗЕРПИНЫ

ГЛАВА 8. СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ ТОМНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

ГЛАВА 9. В ЗАКАТНОМ БЛЕСКЕ ВОД ТОНУЛ

ГЛАВА 10. СИЦИЛИИ ДЫХАНИЕ ОБЖИГАЛО

ГЛАВА 11. А ГОРЕЧЬ ДУШУ РАСТРАВЛЯЛА

ГЛАВА 12. И ПЫЛИ ВКУС СОЛЕНЫМ БЫЛ

ГЛАВА 13. МОЙ РАЗУМ БЫЛ ЗАТМЕН ВИДЕНЬЕМ

ГЛАВА 14. ОТЕЦ НАМ ОКОВЫ БРАКА ДАЛ

ГЛАВА 15. ТЫ ЭХО ЧУВСТВ МОИХ УСЛЫШЬ

ГЛАВА 16. ПУСТЬ ЛЕД И ПЛАМЯ ДУШУ НАМ ТЕР-

ЗАЮТ

ГЛАВА 17. СКВОЗЬ СОН УСЛЫШЬ МОЮ ТЫ ПЕСНЬ

ГЛАВА 18. ТЕНЬ НАС НАКРОЕТ В ПЕРИСТИЛЕ

ГЛАВА 19. МНЕ ПАЛЬЦЫ ИГЛЫ БУДУТ РАНИТЬ

ГЛАВА 20. ВОЙДИ В МОЙ ДОМ ПО РАСКАЛЁННОМУ
ПОРОГУ

ГЛАВА 21. ПОКА МОЙ КОНЬ УНОСИТ В СЕВЕРНУЮ
ДАЛЬ

ГЛАВА 22. ПОЗНАЙ УСЛАДУ ТИШИНЫ

ГЛАВА 23. И МОСТ СОЖЖЕН МЕЖ НАМИ

ГЛАВА 24. В ДОЗОРЕ СМЕРТЬ ПОЗНАЛ Я

ГЛАВА 25. И ТРЕСНУЛ МИР ТВОЙ ПОПОЛАМ

ГЛАВА 26. А СОЛНЦЕМ ВЫЖЖЕНА ТРАВА

ГЛАВА 27. ТВОИ УСТА МНЕ МИР ВДРУГ ПРЕДЛО-
ЖИЛИ

ГЛАВА 28. НО ЗНАЮ Я, ЧТО БУРИ ВПЕРЕДИ

ГЛАВА 29. СВОБОДЫ ВКУС ПЬЯНЯЩИЙ

ГЛАВА 30. ВСЕ МЫСЛИ ЛИШЬ ОБ ИМЕНИ ТВОЕМ

ГЛАВА 31. И ВКУС ГРАНАТА НА ГУБАХ

ГЛАВА 32. В ЗАКАТНОМ СОЛНЦЕ, ПОД ОЛИВОЙ

ГЛАВА 33. И МОРЕ БЫЛО СИНИМ

ГЛАВА 34. И ВЕСТЬ ПРИШЛА, ЧТО ВОЙСКО ЖДЁТ
В ПУТИ

ГЛАВА 35. И ПЫЛЬ ЧУЖИХ ДОРОГ Я ПРИНЯЛ КАК
СВОЮ

ГЛАВА 36. И КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ВЕСТИ БЫЛ ГО-
ДОМ

ГЛАВА 37. ТВОЁ ДЫХАНИЕ ПРОЖГЛО МНЕ КОЖУ,
А СЕРДЦЕ ВЫПИТО ДО ДНА

ГЛАВА 38. О ДИВНОЕ ВИДЕНИЕ, ПУСТЬ ВЕЧНЫМ
СТАНЕТ СОН

ГЛАВА 39. ТВОЯ УЛЫБКА СВЕТ МНЕ ПОДАРИЛА

ГЛАВА 40. ТЫ ДНИ СЧИТАЙ, ПОКА ЕЩЁ МЫ ДЫ-
ШИМ

ГЛАВА 41. НАДЕЖДА КРЫЛЬЯ ДАСТ, А ГРУСТЬ
ТВОЯ ОТНИМЕТ

ГЛАВА 42. ЛАВАНДЫ ТОНКИЙ АРОМАТ И КЛЯТВА,
ЧТО БЫЛА ДАНА

ГЛАВА 43. УТРАТИВ СВОЙ КОНТРОЛЬ ХОЛОДНЫЙ,
ЦЕРЕРА УСТУПИЛА ПУТЬ

ГЛАВА 44. ТАМ, ГДЕ ВРЕМЯ ЗАМИРАЕТ В ТИШИНЕ

ГЛАВА 45. ВДАЛИ Я СЛЫШАЛ ГОЛОС ТВОЙ, А РЯ-
ДОМ ТОЛЬКО ТИШИНА

ГЛАВА 46. ТЫ РАЙ И НЕГУ МНЕ ДАРИЛ, НО ДУШУ
В АД МОЮ ЗАБРАЛ

ГЛАВА 47. А СОЛНЦЕ СВЕТИТ ЯРКО И ТЕПЛО, НО
СЕРДЦЕ БОЛЕ МНЕ НЕ ГРЕЕТ

ЭПИЛОГ

ПРОЛОГ

Из всех дорог, соединяющих землю с царством мёртвых, древнее всех была та, по которой однажды ушла Прозерпина.

В те времена Сицилия ещё хранила память богов, а на зелёных склонах Энны цветы распускались под самым дыханием Цереры. Богиня плодородия любила дочь с той силой, которой обладают матери, привыкшие считать собственное дитя частью себя, и потому окружила Прозерпину миром вечной весны, где каждый день был похож на предыдущий, а сама жизнь текла ровно и безопасно.

Но у судьбы был иной сценарий.

Однажды на лугу расцвёл нарцисс, прекраснее всех цветов, какие прежде видела Прозерпина. Его золотистые лепестки светились среди трав, аромат тянулся далеко по склону, и девушка подошла к цветку, чтобы сорвать его. В тот же миг земля под её ногами разверзлась, из глубины вырвалась колесница Плутона, и Владыка Подземного Мира увлёк её за собой, туда, где солнце никогда не поднимается над горизонтом.

Церера искала дочь по всей земле. От её скорби высохли поля, сады перестали приносить плоды, а люди узнали голод, потому что вместе с дочерью богиня потеряла способность дарить земле весну.

Когда Прозерпину нашли в царстве мёртвых, Церера потребовала вернуть её, и богам пришлось вмешаться. Девушке разрешили подняться к матери, однако Подземный Мир уже успел оставить на ней свою печать.

Плутон протянул ей гранат.

Несколько зёрен легли на ладонь Прозерпины, и она съела их одно за другим. Сладкий сок коснулся её губ, а вместе с ним в её судьбу вошёл древний закон: вкусивший пищу Подземного Мира навсегда сохраняет связь с царством теней.

Прозерпина вернулась к Церере, и земля вновь расцвела. Однако наступил день, когда ей пришлось спуститься обратно, потому что часть её уже принадлежала миру под землёй. Так появилась зима, так пришла весна, так человечество получило древнее объяснение круговорота жизни, смерти и возвращения.

Но жрецы Энны знали, что гранат изменил Прозерпину гораздо глубже.

Подземный Мир забрал у неё прежнюю жизнь и вместе с ней все привычные роли, которыми человек определяет себя на поверхности. Там царили другие законы, и человеку приходилось впервые смотреть на собственное сердце без защиты семьи, имени, богатства, положения и чужих ожиданий.

Прозерпина вернулась наверх уже другой.

Она знала вкус граната, знала дорогу в царство мёртвых и знала, что существует место, где судьба человека раскрывается яснее, чем под солнцем.

С тех пор гранатовое зерно стало символом границы между двумя мирами. Оно обещало возвращение, однако всякое возвращение имело свою цену.

Человек, однажды побывавший в Подземном Мире, приносит оттуда больше, чем просто память о тьме. Он приносит с собой то, ради чего вообще стоило возвращаться.

Иногда это оказывается право на собственный выбор. Иногда — способность почувствовать то, что прежде существовало лишь в чужих рассказах. А иногда Подземный Мир сводит двух людей, которым в обычной жизни дороги никогда бы не пересеклись, и даёт каждому из них именно того человека, рядом с которым прежняя жизнь начинает трещать по швам.

Древний закон стоит выше человеческих границ. Ему всё равно, в каком городе человек открыл глаза, какое имя носит его семья и сколько тысячелетий прошло с тех пор, как Прозерпина впервые вкусила гранат. Ему достаточно одного — чтобы человек оказался у самой границы и пожелал жить иначе.

В одну из таких ночей двое людей закрыли глаза в двух разных городах.

А открыли их уже там, где когда-то начиналась дорога Прозерпины.

ГЛАВА 1. СЛЕДЫ НА ЗОЛОТОМ ПЕСКЕ

За панорамным стеклом тридцать четвёртого этажа вечерний город мерцал внизу миллиардами огней. По каминной полке и полированному красному дереву стола лежала длинная, ровная тень уходящего солнца. В кабинете витал аромат дорогого колумбийского кофе, смешанный с едким нотками свежей бумаги финансовых отчётов.

Филипп Грант сидел в глубоком кожаном кресле, подперев подбородок ладонью. В банке Grant & Sons молодым вице-президентом искренне гордились: Фил уверенно вёл семейное дело, развивая активы с завидной, почти жесткой хваткой.

На столе лежала пухлая папка с деталями крупной инвестиционной сделки. Фил быстро пробежал глазами ровные колонки цифр, поставил размашистую подпись и откинулся на высокую спинку кресла. Маршрут его жизни отличался безупречной точностью — ровно, без расхождений, выбирающих графиков и накладок. Престижный университет, семейный капитал, статус успешного человека, привыкшего выигрывать всегда и во всем. Он двигался по этой дороге легко и с большим удовольствием, выстраивая каждый новый день как хорошую, выверенную сделку.

В дверях кабинета появилась Сюзан. Она прислонилась к косяку и иронично приподняла бровь. Бывшая ассистентка Уорена, а ныне жена Фила.

Она не родилась в этом мире полированного дерева и семейных капиталов — выросла в рабочем районе Куинса, дочь механика и кассирши, которая училась на стипендию и пробивалась в финансовый мир зубами и ногтями, пока не осела ассистенткой в Grant & Sons. Она знала на собственной шкуре, сколько стоит каждая ступень этой лестницы, и умела вцепляться в то, что действительно хотела получить, — будь то повышение, место за столом переговоров или мужчина, которого выбрала себе сама, ещё когда он был просто младшим Грантом, вечно уткнувшимся носом в книгу под столом отца.

— Если ты продолжишь гипнотизировать эти бумаги, Грант, ресторан отменит наше бронирование, — произнесла она, подбираясь к столу и с лёгким вызовом усаживаясь на полированный край. — А я надела это платье исключительно ради публичного эффекта.

Фил окинул её тёплым взглядом, оценил глубокий вырез и с улыбкой потянул за руку, приближая к себе.

— Платье действительно требует немедленного выхода в свет, — он поцеловал её в открытую шею, чувствуя знакомый, сложный аромат дорогих духов. — Дай мне три минуты. Закрою документы, и мы едем.

— Две минуты, Грант. Я засекаю, — Сюзан с ловкой гра-

цией поднялась, подмигнула ему и выскользнула в коридор. Фил остался один. Улыбка ещё держалась на его лице, но стоило двери закрыться, как что-то внутри чуть сжалось — быстрая, привычная раздражённость, которую он тут же сам себе запретил. Она даже не спросила, хочет ли он вообще в этот ресторан сегодня, — просто объявила, забронировала, надела платье. Так было всегда: Сюзан решала, а он соглашался, потому что спорить означало объяснять, чего он хочет на самом деле, а объяснять этого он и сам толком не умел. Фил тряхнул головой, отгоняя эту мысль, — глупости, у него прекрасная жена, идеальный брак, не на что жаловаться, — и вернулся к бумагам.

Он подошёл к массивному сейфу, набрал привычный шифр и убрал папки с бумагами. На нижнем ярусе, за тяжелой стопкой ценных бумаг, лежал плотный том в тканевом переплёте — монография по археологическим раскопкам Месопотамии и клинописным табличкам древнего Шумера.

Фил провёл пальцами по шершавому корешку. На подушечке указательного пальца остался тонкий, сухой след въевшейся в переплёт вековой пыли. Давняя, привычная страсть. История Древнего Востока манила его с самой юности, храня своеобразное, манящее очарование далеких и давно погибших царств.

Ему было десять, когда отец впервые застал его за такой же книгой — детской, из школьной библиотеки, с яркими

картинками пирамид и зиккуратов. Уорен тогда молча забрал книгу из рук сына, пролистал её без единого слова, а потом так же молча положил на стол свой собственный годовой отчёт банка — вдвое толще и без единой картинки.

— Гранты не копаются в земле, Филипп, — сказал он тогда, впервые называя сына полным именем, как будто короткое, домашнее «Фил» было привилегией, которую ещё предстояло заслужить. — Гранты строят то, что остаётся после них. Если хочешь изучать прошлое — изучи, как твой прадед поднял этот банк из ничего после войны. Вот это — настоящая история.

Тем вечером книгу о зиккуратах из дома забрали, а на её месте на прикроватной тумбочке появился годовой отчёт, который десятилетнему Филу велено было прочитать от корки до корки. Это повторялось потом — с университетом, куда его не спросили, поступать ли на исторический; с первой летней стажировкой, которую отец лично отменил, заменив её местом в банке; с каждым разом, когда Фил осторожно, будто пробуя лёд, заговаривал о своём увлечении вслух, — отец не кричал, никогда не повышал голоса, просто раз за разом, ровно и терпеливо, возвращал сына на предписанный путь, будто прокладывая рельсы, с которых нельзя было сойти без крушения.

К восемнадцати годам Фил перестал заговаривать об этом вслух вообще. Осталась только эта книга в сейфе — одна из немногих, что он всё же позволил себе сохранить, — и

тихая, никогда не проходящая тяжесть в груди при мысли о том, что могло бы быть, если бы рельсы вели куда-то ещё.

Когда-то он мечтательно думал об экспедициях, сухом раскопок и полевых сезонах, но жизненный выбор давно сделался в пользу семейного банка. Фил сохранил это увлечение лишь как тихое, потаенное хобби для редких свободных вечеров.

Он закрыл дверцу сейфа. В этот момент в затылке отозвалась странная, непривычно плотная тяжесть. По виску прошла короткая волна сухой усталости, и зрение на секунду поплыло, размывая четкие контуры мебели. Фил моргнул, списав эту вспышку на продолжительный рабочий день и напряжённые многочасовые переговоры.

Взяв плащ со спинки дивана, он выключил свет в кабинете.

ГЛАВА 2. И МОРЯ ШУМ ВДАЛИ

Панорамное окно сиднейского дома выходило прямо на гавань. За стеклом вечерний дождь размывал огни залива в мягкие золотистые пятна.

Валентина стояла у окна с тёплой чашкой в руках. Всё в этом пространстве — от лаконичной мебели до тихого треска каминного пламени — задавало безупречный порядок и эстетику.

За её спиной Хью бережно расставлял на столе фарфор. — Чай с чабрецом, как ты любишь, — произнёс он с мягкой, привычной заботой. — Маргарет завершает рисунок и идёт умываться.

Вэл обернулась и коротко улыбнулась — ровно настолько, насколько требовал момент.

— Спасибо, — отозвалась она и снова повернулась к окну. Хью оставался внимательным мужем: он обеспечивал безопасность семьи, следя за каждой деталью. В их доме поддерживали чистоту и избегали срезанных цветов из-за его давней аллергии.

На журнальном столе лежало свежее издание её книги. Валентина владела словом с редким изяществом, издавая популярные романы о пылких чувствах, роковой страсти и крепких, глубоких связях. Читатели искренне проживали каждую строчку, а критики хвалили её за точность психологи-

ческих деталей.

Только сама Вэл знала свой секрет: она воссоздавала эти истории исключительно умом. Вэл перечитала сотни историй, собирала чужие признания и чутко подмечала, как люди говорят о любви. Она точно знала, какие фразы вызывают мурашки, какие сюжетные повороты заставляют биться сердце и какие жесты считаются как проявление высокой страсти.

Она безупречно воспроизводила любую эмоцию на бумаге и в жизни. Однако внутри всегда сохранялась ровная, сухая тишина. Вэл прожила тридцать лет, так и не узнав этого чувства. Она искренне удивлялась, зачем люди отдают разум ради подобной лихорадки и почему вокруг романтических порывов создано столько суеты.

— Из издательства прислали отчёты по продажам, — Хью подошёл ближе, касаясь её руки. — Ты снова на первой строчке. Я горжусь тобой.

— Это лишь хорошая работа, Хью, — спокойно отозвалась Вэл.

Она опустила взгляд на свои пальцы. В тот миг показалось, будто кожа на ладонях стала холодной, а сквозь привычный аромат камина и чабреца долетел далёкий, едва уловимый запах соленого ветра с залива. Вэл сжала пальцы в кулак, и странное ощущение растаяло.

Вэл чувствовала себя хозяйкой собственного дома, своей судьбы и своего спокойного будущего.

ГЛАВА 3. УПАЛ НА ЛИК МНЕ ЛУЧ ДНЕВНОЙ

Шум Пятой авеню сплетался с вечерним гулом Манхэттена. Фил шагал вдоль освещённых витрин, на ходу расстёгивая верхнюю пуговицу сорочки. Рабочий день остался позади, оставив горьковатый привкус крепкого эспрессо и выверенных банковских формулировок.

У высокого фасада городского музея он замедлил шаг. На огромном баннере бросались в глаза слова об открытии выставки древней Месопотамии. С глянцевого полотна смотрели изображения клинописных табличек, артефактов из Урука и окаменевших рельефов.

Фил остановился, разглядывая ровные ряды древних знаков. В груди поднялась привычная, острая волна искреннего интереса. На секунду представились зной раскопок, шершавый камень под пальцами и запах вековой истории.

Он задержался на мгновение, качнул головой и перевёл взгляд на своё отражение в стекле — строгий костюм, дорогой хронограф на запястье, вице-президент Grant & Sons.

— Ну да, Ашшурбанапал подождёт, — тихо пробормотал Фил с привычной ухмылкой. — А мне в выходные только портфель активов и светит.

Он повернулся и продолжить путь.

Дома Сьюзан встречала его в просторном холле. Увидев мужа, она тепло улыбнулась, подошла ближе и подала ему бокал с водой.

— Фил, Миллеры позвали нас на турнир в гольф-клуб в субботу, — мягко произнесла она, ласково касаясь его плеча и заглядывая в глаза. — Я подумала, нам обоим нужен отдых на свежем воздухе. Там соберется отличный, приятный круг, все свои. Ты ведь так устал за эту неделю от бесконечных заседаний, правда?

Фил замер. Гольф вызывал у него искреннюю скуку — зеленые поля, размеренные разговоры о процентах и подчеркнуто неторопливая ходьба за мячом. Но Сьюзан смотрела на него с этой тёплой, почти удушающей заботой и уверенностью в его благе, что слова возражения не шли с языка. Внутри отозвался знакомый, неприятный укол: он снова без боя сдает собственные желания в угоду чужому уюту.

— Гольф, Сью? — он приподнял бровь, сохраняя лёгкий, шутливый тон. — Ты же помнишь моё пылкое «восхищение» этим видом спорта.

— Тебе это пойдёт только на пользу, милый, — Сьюзан с нежной улыбкой поправила воротник его пиджака, искренне убеждённая в своей правоте. — Подышишь воздухом, сменишь обстановку. Я же забочусь о тебе.

Фил посмотрел на её тёплый, заботливый взгляд, привычно спрятав эту занозу за иронией.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Раз уж ты так поэтично

всё обустроила, готовь мне самую красивую клюшку.

Сьюзан довольная поцеловала его в щеку. Фил остался у окна, ощущая тяжесть от очередной тихой капитуляции перед чужой лаской.

В книжном бутике Сиднея витал аромат кофе и свежей бумаги. Валентина стояла у стенда, просматривая новое издание своего романа.

— Боже мой... Вы — Валентина Флоренс? — раздался рядом тихий возглас.

Перед ней стояла молодая девушка с книгой в руках. Её щеки горели от восторга.

— Простите! Я прочитала все ваши книги! — заговорила читательница. — Вы так глубоко пишете о чувствах! Каждое слово проникает прямо в сердце! Можно с вами сфотографироваться?

— Разумеется, — Вэл мягко улыбнулась, выпрямляя спину. Она понимала, какую реакцию от неё ждут, и привычно создавала нужное впечатление.

Девушка достала телефон, когда к стенду подошли Хью и Маргарет. Хью держал за руку дочь, несущую небольшой пакет с покупками. Увидев сцену, он с тёплой гордостью подошёл ближе, с мягкой нежностью обнял Вэл за плечи и привлёк к себе.

Читательница перевела взгляд с Хью на Вэл, и её лицо расплылось в умилении.

— Ой, какие вы классные! — прошептала она, делая сни-

мок. — В жизни всё точно как в ваших романах! Такая любовь, такая забота... Аж завидно! Спасибо за ваши книги!

Девушка побежала к кассам. Хью поцеловал Вэл в висок.

— Отличный кадр получился, — с улыбкой сказал он. — Пойдём к машине.

Вэл вежливо улыбнулась и кивнула. Вокруг всё шло своим привычным, ровным чередом: заботливый муж, дочка, успешные книги. Внутри сохранялся всё тот же прохладный покой.

Вэл опустила руку, сжимая ладонь дочери. Маргарет посмотрела на мать, затем на отца, держащего Вэл за плечи, и снова на лицо матери. В глазах девочки мелькнула тихая, взрослая растерянность. Маргарет медленно, аккуратно разжала пальцы и отпустила руку Вэл.

— Мама, ты устала? — тихо спросила девочка.

— Всё хорошо, солнышко, — автоматически отозвалась Вэл с безупречной теплотой в голосе.

Вэл задержала взгляд на фигуре девушки у касс. На мгновение в уме возникло смутное, едва уловимое движение мысли — короткий вспыхнувший вопрос, который тут же растаял. Вэл слегка качнула головой, обняла Маргарет за плечи и вместе с семьёй вышла к солнцу.

ГЛАВА 4. КОГДА ЗЕМЛЯ РАЗВЕРЗЛАСЬ ПОД НОГАМИ

Высокие панорамные окна зала заседаний Grant & Sons выходили прямо на город. За окнами в лёгкой дымке лежал Манхэттен. Филипп Грант стоял во главе длинного стола из тёмного полированного ореха, удерживая взгляды десяти коллег. Его голос звучал ровно, с привычной уверенностью и той лёгкой, отточенной иронией, которая располагала к нему инвесторов.

— График доходности за третий квартал говорит сам за себя, — Фил окинул присутствующих прямым взглядом, чуть приподняв бровь. — Цифры убедительнее любых обещаний.

Он опустил взгляд на бумаги, лежащие перед ним на кожаном планшете, и протянул руку к тяжелой перьевой ручке. Пальцы правой руки коснулись прохладного металла, и в ту же секунду подушечки фаланг полностью утратили чувствительность.

Фил замер. Привычный осязаемый мир мгновенно стал чужим. Ручка выскользнула из онемевших пальцев и с сухим стуком покатилась и замерла у края стола.

Фил медленно сжал ладонь в кулак, пытаясь вернуть пальцам чувство тепла, но в кисти разлилась глухая тяжесть.

— Мистер Грант? — подал голос старший аналитик с противоположного конца стола. — Всё в порядке?

Почти сразу после этого пол под ногами качнулся. Очертания комнаты на миг расплылись: ровные линии окна, лица коллег и ряды диаграмм подернулись матовой дымкой. В голове прокатился низкий гул, похожий на шум уходящего поезда.

Фил зафиксировал корпус, опираясь левой рукой о край орехового стола. Он сжал челюсти, вернул четкость взгляду и выдержал паузу, сохраняя безупречную осанку.

— Уорен Грант всегда говорил, что хорошая пауза в презентации стоит миллиона долларов, — с привычной спокойной улыбкой произнёс Фил, подбирая ручку с ковра. — Продолжим.

Коллеги оценили шутку коротким смехом. Фил перевернул страницу отчета, спрятав слегка дрожащую кисть — в пальцах покалывало, будто от иголок — в карман брюк. Внутри поднялась холодная волна тревоги, но разум привычно задвинул её на задний план, списывая всё на обычное переутомление, чашку крепкого эспresso и хронический недосып.

В сиднейском доме стоял свежий морской воздух. Вэл стояла у кухонного острова, наблюдая за тем, как Хью аккуратно нарезает фрукты для Маргарет. На столе стоял пузатый фарфоровый чайник, от которого поднимался тонкий пар с ароматом чабреца.

Вэл протянула руку к чашке, бережно поднося её к губам.

В ту же секунду пальцы правой руки свело короткой, резкой судорогой. Кисть мгновенно утратила чувствительность, превратившись в неживой, тяжелый предмет. Пальцы разжались сами собой. Фарфоровая чашка упала на деревянную столешницу, разбиваясь на мелкие осколки, а горячий чай залил светлую поверхность.

— Вэл! — Хью бросил нож и в два шага оказался рядом.

Вэл попыталась сделать шаг назад, но земля под ногами качнулась. Комната поплыла кругом, стены утратили устойчивость, а головокружение накатило, затягивая в тёмную воронку.

Хью подхватил её под локти, удерживая от падения, и усадил на стул. В его лице читалась испуганная растерянность.

— Дорогая, ты бледная! — голос задрожал от тревоги. — Пальцы онемели? Давай покажемся врачу! Ты перегрузила себя этими текстами!

Маргарет испуганно замерла в дверях, роняя цветной карандаш на пол и глядя на мать широкими глазами.

Вэл увидела испуг мужа, замешательство дочери и мгновенно собралась. Она чуть наклонила голову, выровняла дыхание и крепко накрыла его руку своей ладонью. С её лица исчезли любые следы слабости. На нем появилась привычная, ровная, умиротворяющая улыбка.

— Всё в порядке, Хью, — произнесла она мягко. — Я просто оступилась. Суета последних дней. Сделай мне ста-

кан воды.

Хью выдохнул, кивнул и повернулся к кувшину, готовый выполнять понятную, привычную заботу.

Маргарет медленно наклонилась, подбирая карандаш. Девочка перевела взгляд с отца на мать, остановившись на её безупречной, спокойной улыбке. В глазах ребёнка промелькнуло тихое непонимание. Маргарет не сдвинулась с места, продолжая молча смотреть на мать, будто пытаясь распознать за этой идеальной маской что-то настоящее.

Вэл сделала глоток воды, встречая взгляд дочери спокойно и прямо. Внешне мир вернулся на прежние рельсы. Но Вэл чувствовала: что-то бесповоротно изменилось.

ГЛАВА 5. И ЖДАТЬ РАССВЕТА МОЧИ НЕТ

Ночной Манхэттен за панорамным окном спальни тонул в глубокой тени. В квартире царила полная тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием Сьюзан. Она спала спокойно, сжав пальцами край одеяла — с той же спокойной уверенностью, что и вечером, когда говорила про обследование у лучших специалистов.

Фил осторожно поднялся с кровати, сжимая в кулаке ключи от машины.

Спустя двадцать минут его седан катился по пустым улицам. Фил затормозил у набережной Гудзона, выключил двигатель и вышел на прохладный воздух. Он спустился по каменным ступеням к воде и сел на нижнюю. Вода тихо плескалась о гранит.

В ушах всё ещё звучали взвешенные слова врача. Полгода. Всего шесть месяцев.

В сознании прокручивались короткие кадры прошлого: суровый кабинет отца, банковские отчеты, выглаженные сорочки... Фил вспомнил, как Сьюзан сказала: «В субботу едем на гольф», — и как он, даже не подумав возразить, ответил: «Хорошо».

Это автоматическое «хорошо» впилося в грудь, как ост-

рая заноза. Фил упёрся локтями в колени, сжимая пальцами виски. Перед глазами стояли прошлые мечты — зной раскопок, шершавый камень древних плиток, пыль веков. И рядом — текущий, безупречно уложенный распорядок. Пропасть между тем, чего он хотел когда-то, и тем, чем стала его жизнь, оказалась огромной.

В горле встал тяжелый комок. На глаза на мгновение набежала влага, превращая огни дальнего берега в расплывчатые пятна. Фил резко вытер лицо ладонью, злясь на эту секундную слабость, и на губах скользнула привычная, сухая, горькая ухмылка.

Он остался один на один с вопросом: если судьба даст ему хоть один шанс, хватит ли у него смелости наконец сделать собственный выбор?

В сиднейском доме горел только один светильник. Вэл сидела в кресле своего кабинета, повернувшись к пустой, белой стене. Дверь была заперта на ключ.

За дверью слышались быстрые, уверенные шаги Хью.

— Вэл, милая, открой, — звучал его голос. — Я заварил чай. Завтра же летим в Мельбурн. Я уже связался с клиникой, там ведущие специалисты. Мы перепроверим анализы, я всё организую.

Хью действовал быстро и собранно, искренне убеждённый в том, что любой диагноз можно победить правильными шагами. Вэл слушала его голос, не шевелясь. В голове намертво застыло: «полгода».

Из детской комнаты доносился тихий плач. Маргарет уткнулась лицом в плюшевого мишку. Девочке ничего не говорили, но в доме повисла густая тень беды, и ребенок остро чувствовал это.

Вэл смотрела на белую стену. Внешне её мир остался абсолютно прежним — тот же уютный дом, тот же заботливый муж за дверью, те же успешные книги. Но сейчас впервые обнаружилась глухая пустота этого пространства.

Вэл закрыла глаза. В тишине кабинета тихо всплыл единственный вопрос: что вообще она успела почувствовать за эти тридцать лет?

ГЛАВА 6. МЫ ВРОЗЬ, НО СВЯЗАНЫ СУДЬБОЙ

Массивный комплекс фармацевтической компании в Бостоне нависал над городом холодной строгостью стекла, бетона и полированной стали. Высокие пролёты, бесшумные лифты и зеркальные панели создавали обезличенное пространство, где время будто замирало.

Сьюзан всё организовала — нашла контакты, договори­лась с клиникой. Делала она это так быстро и с такой солнечной уверенностью, что Фил даже не успел возразить. Рядом с этой уверенностью невозможно было просто отстраниться — сразу накатывало чувство вины. Сьюзан искренне верила, что спасает мужа, и этот протокол — самый правильный шаг. Фил шёл рядом, привычно держа прямую осанку.

В это же самое время в южном крыле того же этажа Хью осторожно поддерживал Вэл за локоть, проводя её вдоль прозрачных офисных перегородок. Хью на ходу уточнял нюансы у своего менеджера, искренне убеждённый в правильности сделанного шага и готовности победить болезнь любой ценой.

Здание работало как единый механизм: потоки людей бесшумно распределялись по уровням и секторам.

Фил и Сьюзан повернули налево, пройдя в кабинет стар-

шего координатора протокола. Спустя минуту Хью и Вэл прошли по параллельному коридору за матовым стеклом, направляясь в противоположный сектор к своему специалисту.

Их кабинеты находились по разные стороны одной стены.

Фил слушал сухую, бесстрастную лексику о рисках и экспериментальном статусе — каждое слово падало как тяжёлый камешек. Пожилой врач раскладывал перед ним страницы договора. Фил взял тяжёлую ручку, снял колпачок и поставил ровную, чёткую подпись.

За стеной Вэл слушала абсолютно те же слова от своего консультанта. Девушка-менеджер аккуратно подвела заправленную ручку к линии подписи. Вэл посмотрела на строчки договора, ровно выдохнула и уверенно расписалась.

Оба подписали согласие одновременно, разделённые лишь бетонной перегородкой.

Спустя час Фил и Сюзан вышли на парковку. В воздухе чувствовался запах океана, смешанный с бензиновой гарью.

Фил сел на пассажирское сиденье, сжимая в кармане пальцами прохладный, тяжёлый флакон с первой дозой лекарства. Сюзан плавно вывела машину на шоссе и сразу принялась с облегчением обсуждать расписание следующих визитов, планируя каждый их последующий шаг.

Фил смотрел на проплывающие за окном серые фасады зданий. Внутри копилась тихая, упрямая злость. Он сказал себе, что злится только на собственное автоматическое со-

гласие, — но, если быть до конца честным, злость цепляла и Сьюзан тоже: то, как легко она входила в его пространство, решала за него, планировала его жизнь вплоть до минут, даже не замечая, что где-то там, за этим удобным, вежливым согласием, он давно перестал спрашивать себя, чего хочет сам. Он ведь и правда любил её. Но временами — вот как сейчас, слушая, с каким удовольствием она раскладывает по полочкам его же расписание, — ему хотелось только одного: чтобы она замолчала и хоть раз спросила, а не решила. Он тут же устыдился этой мысли и загнал её поглубже, потому что признать в ней означало бы взять на себя то самое право голоса, которого он боялся едва ли не больше, чем самой болезни. Он годами без возражений принимал чужие решения.

Фил сжал пальцы в кулак. Если этот экспериментальный препарат сработает и вернёт ему здоровье, он наконец заберёт право выбора себе. Фил уйдёт из банка, бросит советы директоров, заберёт документы и уедет в настоящую экспедицию — туда, к раскопкам Древней Месопотамии и Египта, о которых глухо мечтал все эти годы. Если удастся выжить, он впервые сам станет решать, чем занять свою жизнь.

Салон лайнера, выполнявшего рейс из Бостона в Сидней, тонул в полутьме. Мерный, низкий гул турбин убаюкивал пассажиров.

Хью спал в соседнем кресле — бесконечно любящий муж, который отдал все силы на организацию поездки. Голова его

тяжело откинулась на подголовник, а лицо выражало глубокую, накопившуюся усталость.

Вэл смотрела в тёмный иллюминатор, за стеклом тянулась сплошная темнота.

Внутри поднималось тихое, твёрдое желание. Если лекарство подарит ей шанс и она выживет, она хочет наконец почувствовать любовь по-настоящему — не написать её в очередном романе, не сыграть роль любящей жены, а ощутить всё самой.

ГЛАВА 7. КАК ТЕНЬ ПРЕКРАСНОЙ ПРОЗЕРПИНЫ

В нью-йоркской спальне горел лишь слабый ночник, заливая паркет мягким янтарным светом. Фил стоял у окна, сжимая в ладони небольшой прозрачный флакон. Пора было сделать этот шаг. Он снял крышку флакона, принял дозу экспериментального средства и лёг на широкую кровать.

Спустя несколько минут по телу растеклось вязкое, густое тепло, будто налившееся свинцом. Огни Манхэттена за окном поплыли, вытягиваясь в туманные золотые полосы. Разум плавно и глубоко погружался в густую, обволакивающую полутьму.

В сиднейском доме Вэл сидела на краю постели. В руках покоился точно такой же флакон. Вэл выпила лекарство и опустила голову на подушку. Вечерние звуки гасли, растворяясь в тишине. Сознание отпускало контроль, увлекая её в тихую, глубокую темноту.

Глаза открылись от слепящего, палящего солнца.

Фил очнулся в просторном мощёном дворе — и вдруг понял, что находится внутри чужого тела, ощущая каждую его мышцу, каждый удар сердца. Вокруг возвышались белые колонны, пахло раскалённым камнем, диким чабрецом и сухой хвоей. Натянутые мышцы и тяжесть плотной льняной туни-

ки ощущались предельно физично.

Первую секунду его накрыло замешательство от этой неразрывной связи с чужой физиологией. Но молодой парень по имени Валент жил абсолютно самостоятельно. Фил не управлял его шагами и не влиял на его мысли, а лишь наблюдал за миром изнутри чужого опыта.

— Валент! — раздался резкий, властный голос.

Из глубокой тени портика вышел Аурелий. Его суровый взгляд, глубокие шрамы на плечах и выправка сразу выдавали бывшего полководца.

— Подойди ближе, сын, — Аурелий остановился перед Валентом, заложив руки за спину. — Моё решение принято. Через месяц ты возьмёшь в жёны Филиппу, дочь Демосфена. Вся городская знать уже знает о нашей сделке. Это укрепит род и принесёт нам земли в Антиохии.

В груди Валента мгновенно вспыхнул сухой, горячий бунт.

— Отец! Ты даже не спросил меня! — вырвалось у Валента. — Я желаю сам сделать выбор! Это моя жизнь!

Он шагнул ближе, и черты его лица застыли в холодной твёрдости.

— Твоя обязанность — подчиняться! Никто в этом доме не смеет перечить моей воле! Разговор окончен. Свадьба состоится.

Валент круто повернулся и бросился прочь из дома. Он бежал, не выбирая дороги, и ноги сами несли его к дому

Юлии по узким, раскалённым улочкам Сицилии. Валент ворвался во двор, упал перед ней на колени и спрятал лицо в её ладонях, ища спасения от отцовского приговора.

Юлия опустилась рядом с ним прямо на пыльные плиты двора, не заботясь о том, что подумают соседи, и обхватила его лицо ладонями, вынуждая посмотреть на себя.

— Он назначил день? — спросила она тихо. Голос звучал ровно, но пальцы, которыми она гладила его по вискам, чуть подрагивали.

— Через месяц, — выдохнул Валент. — Дочь Демосфена. Земли в Антиохии. Он даже не спросил, чего хочу я.

— Он никогда не спрашивал, — Юлия горько улыбнулась и прижалась лбом к его лбу. — Ты знал, чем это кончится, ещё когда впервые пришёл ко мне под этой оливой. Мы оба знали.

Они сидели так до заката, среди старых, узловатых оливковых деревьев её двора, — она перебирала его волосы, он держал её за руку так крепко, будто это могло что-то изменить. Ни он, ни она не произнесли больше ни слова о свадьбе. Говорили о простом — о море, о том, какой урожай маслин ждут в этом году, — как будто у них всё ещё было время, которого на самом деле уже не оставалось.

Когда стемнело, Юлия первой отстранилась.

— Иди домой, Валент, — сказала она мягко, но твёрдо. — Пока отец не отправил за тобой людей.

Он поцеловал её ладонь и ушёл, не оборачиваясь, — по-

тому что знал: если обернётся, не сможет заставить себя уйти вовсе.

Вэл открыла глаза — и её накрыло ощущение сухой, палящей жары. Она мгновенно оказалась внутри чужого присутствия.

Она лежала на мягком ложе в просторной комнате с высокой мозаикой на стенах. В голове стояла лёгкая, плывущая дурнота, похожая на хмельное опьянение.

Юная Филиппа списывала это состояние на душный полдень Антиохии и утомление последних дней. Филиппа поднялась с ложа, поправила складки тонкой шёлковой туники и вышла в залу. Вэл не направляла её движения, а лишь проживала её телесное состояние и слышала её мысли.

На подоконнике, в глиняном горшке, желтели несколько головок нарциссов — единственное, что Филиппа сама, без чьего-либо позволения, посадила и вырастила в этом чужом доме. Проходя мимо, она машинально коснулась лепестков кончиками пальцев, и Вэл вместе с ней ощутила короткую, необъяснимую нежность — к этим цветам здесь любили только они одни.

Дом бурлил суетой. Служанки проносили кувшины с благовониями, на столах покоились сундуки с украшениями. В центре стояла мать Филиппы, бережно разворачивая свиток драгоценного пурпурного шёлка.

— Посмотри, дочка! — на лице матери вспыхнула радостная улыбка, когда она прикладывала ткань к плечам Филип-

пы. — Сам Аурелий отдал за тебя лучшие земли! Твой свадебный наряд станет самым роскошным во всей Антиохии. Ты будешь счастливейшей из женщин!

Филиппа улыбнулась матери и послушно кивнула, разглядывая яркие ткани. Но Вэл, находясь внутри этого опыта, ощущала, как под пальцами ткань казалась воплощением чужой воли, и внутри шевельнулось упрямое сопротивление навязанной судьбе.

Пробуждение наступило у каждого в его собственном времени.

В Нью-Йорке Фил резко сел на кровати, когда за окном ещё только начинали разгораться первые предрассветные огни. Сердце учащённо билось. Имена и фразы ускользали, растворяясь в сознании, но на губах остался сухой привкус знойного воздуха, а в груди — жгучий, чужой эмоциональный след, оставшийся от вспышки юношеской злости на чужой приказ.

В Сиднее Вэл открыла глаза в тишине своей спальни, заставая за окном утренний свет. На лбу выступила лёгкая испарина. Вэл провела ладонью по шёлку одеяла. Внутри сохранялось странное, не её собственное чувство — острое неприятие навязанного пути и чужое раздражение, с которым она прежде никогда не просыпалась.

Она села, вдохнула — и замерла. В комнате явственно пахло цветами. Сладко, чуть терпко, почти забыто. Вэл нахмурилась и обвела взглядом спальню: ни вазы, ни лепестка

— в доме Хью живые цветы не держали никогда, из-за его аллергии, ещё с тех пор, как они познакомились. Она списала это на остатки сна и слишком яркого воображения и всё же ещё долго сидела, вдыхая пустой воздух, пытаясь понять, откуда взялся этот запах.

ГЛАВ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.